

МИРА ВОЛОДИНА

Проект Веры

Я О НЕМ НИ ЗА ЧТО,
Я О НЕМ НИКОГДА

18+

Проект Веры

Мира Володина

**Проект Веры. Я о нем ни
за что, я о нем никогда**

«Автор»

2026

Володина М.

Проект Веры. Я о нем ни за что, я о нем никогда / М. Володина —
«Автор», 2026 — (Проект Веры)

Она хотела проектировать дома. Он превратил её в несущую стену. Вера вышла замуж по большой любви за успешного, статусного Андрея. Семнадцать лет она была идеальной женой и матерью. А он — тихим абьюзером: обесценивал, изолировал, изменял и называл это «заботой». «Твоё дело — муж, дети, дом, кухня и спальня». Потеря ребёнка, очередное предательство мужа, пустота. И злость, которая оказалась живее большой любви. Вера уходит с двумя чемоданами, старшей дочерью и старым ластиком для черчения. Впереди — нулевая точка: съёмная квартира, суд за детей, возвращение в профессию и первая любовь после душевной травмы. Сага «Проект Веры» — это не история прощения. Это история о том, как женщина перестаёт быть удобной, рушит чужие проекты и строит свою жизнь. Заново. С карандашом в руке. Без розовых соплей. Для тех, кто выбирает себя.

© Володина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. ПРОЕКТ ВЕРЫ	5
ГЛАВА 2. ПРОЕКТ СЧАСТЬЯ	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мира Володина

Проект Веры. Я о нем ни за что, я о нем никогда

ГЛАВА 1. ПРОЕКТ ВЕРЫ

1.

Сон не пришел к Вере сегодня. Он вообще редко к ней приходил в последнее время — предпочитал задерживаться у Андрея.

Вера лежала на спине и смотрела в потолок. На чердаке дома, который она когда-то спроектировала, она сделала слуховое окно. Здесь, в московской квартире, потолок был просто потолком. Белым. Ровным. Молчаливым.

«Я — несущая стена, — подумала она, глядя на трещину в штукатурке, которую уже год обещала зашпаклевать. — На мне держится весь дом. И все делают вид, что я декоративная».

Она перевела взгляд на Андрея. Он спал с идеальной симметрией человека, который не знает, что такое бессонница. Дыхание ровное, лицо расслабленное. В утреннем полумраке он выглядел почти так же, как восемнадцать лет назад: высокий, темноволосый, с челюстью, которую в учебниках анатомии подписывают как «волевая».

Будильник заверещал. Вера ткнула в него пальцем с такой ловкостью, что можно было снимать учебное пособие для спецназа.

— Тихо, — прошептала она в пустоту спальни.

Она спустила ноги с кровати. Пол был холодным. Дубовая паркетная доска, итальянская, за которую Андрей отдал сумму, равную годовому бюджету детского сада. Пол был красивым. Пол был дорогим. Пол был ледяным.

«Красота требует жертв, — подумала Вера, шлепая на кухню. — И я была главной жертвой в этом проекте».

2.

Кухня встретила ее стерильной тишиной. Идеальный порядок, от которого хотелось выть.

Вера открыла холодильник, достала яйца, сливки, сыр. Завтрак для мужа должен быть идеальным. Андрей не говорил этого вслух. Он просто оставлял тарелку нетронутой. Эта немая критика работала лучше любых слов.

Она взбивала яйца венчиком, когда на кухню вползла Соня.

Пятнадцать лет, рост уже под 170, лицо — копия Андрея. Те же скулы, тот же разрез глаз, то же выражение «я-то-вас-всех-раскусил».

— Мам, у меня контрольная по алгебре. Если я ее завалю, папа скажет, что я гуманитарий, как ты.

Вера замерла с венчиком.

— Во-первых, папа не говорил. Во-вторых, ничего страшного в гуманитариях нет. В-третьих, садись завтракать.

— Он говорил. Я слышала. — Соня села за стол, уставилась в телефон. — И вообще, он прав. С гуманитариями одни проблемы. Ты вон даже омлет сжечь умудрилась.

Вера посмотрела на сковороду. Омлет и правда подгорел.

— Соня, ты сейчас получишь ценные указания по поводу того, куда можно засунуть свои МГИМОВские амбиции.

— Мам, грубо.

— А ты не провоцируй.

Семнадцать лет брака научили ее: некоторые битвы не стоят того, чтобы их начинать в семь утра. Но некоторые — стоят.

3.

В кухню ворвался Коля. Десять лет, энергия, которой хватило бы на небольшой город.

— Мам! А можно я сегодня не пойду на футбол? У меня голова болит. И вообще, тренер — козел.

— Коля, мы не используем такие слова.

— А какое слово можно? Козлина?

— Тренер — требовательный специалист, — Вера даже не улыбнулась. — И ты идешь.

— А если не пойду?

Вера повернулась к нему. Посмотрела в глаза.

— Тогда моешь окна. Все. В квартире. Сам. И не вздумай сказать, что это несправедливо. Потому что в следующий раз будешь мыть весь этаж зубной щеткой.

Коля посмотрел в ее глаза, увидел там то самое выражение *«я-не-шучу»*, вздохнул, сдался.

— Ладно. Но если он меня опять назовет черепахой, я ему что-нибудь отвечу.

— Что именно?

— Не знаю. Но ему это так просто не пройдет.

Он выхватил тарелку с омлетом и уже был в дверях, когда остановился. Повернулся. В его глазах — тех самых, папиных, с прищуром — вдруг промелькнуло что-то детское. Беззащитное.

— Мам.

— Что?

— А ты придешь? На футбол. Посмотреть.

Вера замерла.

«Он никогда не просил ее приходить. Всегда было достаточно папы. Папа — главный зритель. Папа — главный судья. Папа — главный».

— Я попробую, — сказала она.

Коля кивнул и убежал.

А Вера осталась стоять с венчиком в руке и думать о том, что обещала сыну то, в чем не уверена. Потому что в ее расписании на сегодня не было *«посмотреть на сына»*. В ее расписании было *«приготовить ужин для гостей мужа»*.

4.

На его месте материализовалась Полина. Семь лет. Третья. Младшая.

— Мама, у меня ухо болит.

— Сильно?

— Не знаю. Но я не могу в школу.

— Полина.

— Честно! Оно стреляет. Как из пистолета. Паф-паф.

Соня, не отрываясь от телефона, хмыкнула.

— Вчера у тебя болел живот. Позавчера — нога. Завтра, надеюсь, будет менингит.

— Соня, не каркай.

Вера присела на корточки, заглянула в ухо. На вид ничего страшного.

— Ладно. Остаешься. Но никакого телефона. Только читать и спать.

— Это несправедливо.

— Жизнь вообще несправедлива, дорогая. Так что привыкай.

В спальне зашумел душ. Андрей проснулся.

Вера посмотрела на часы. 7:15. Через сорок пять минут ей нужно быть в трех местах одновременно.

5.

Андрей вышел из спальни.

Вера поймала себя на мысли, что рассматривает его как чужой проект, который нужно оценить. Семнадцать лет брака — и она все еще иногда удивляется, как этот человек умудряется выглядеть так, будто время работает на него, а не против.

Он носит костюмы на заказ. Его парфюм пахнет деньгами. Буквально.

— Доброе утро, — сказал он, не глядя на Веру.

«Она ждала этого момента. Каждое утро она ждет, что он посмотрит на нее. Не для того, чтобы увидеть — просто чтобы заметить. Как замечают стену, когда в нее врезаются. Или когда она трескается».

— Сегодня придут Шустовы, в семь. Ирина не ест красное мясо, учти.

— Учту.

— Приготовь что-нибудь к вину. Я возьму «Бароло».

— Я поняла.

Он подошел к Соне. Поцеловал в макушку. Потрепал по плечу.

— Как алгебра?

— Нормально.

— Не подведи. МГИМО не прощает слабаков.

Соня скосила глаза на мать. Вера сделала лицо *«я-здесь-ни-при-чем»*.

Андрей прошел к выходу. На пороге остановился.

— Вера.

— Да?

— Ты сегодня в чем гостей встречаешь?

Она посмотрела на свой домашний костюм.

— Я только встала. К вечеру приведу себя в порядок.

— Хорошо. И надень то черное платье, которое я из Италии привез. Ирина оценит. Дверь закрылась.

— Он не спросил про Полину, — сказала Соня. — У нее ухо болит.

— Он занят.

— Он всегда занят.

Вера выключила газ. Выкинула подгоревший омлет в мусорное ведро.

Руки дрожали.

«Интересно, — подумала она, — он вообще помнит, как меня зовут? Нет, имя он помнит. Но меня? Ту, которая рисовала дома по ночам?»

6.

Восемнадцать лет назад Вера приехала домой на каникулы. Джинсы с разорванным коленом, футболка, волосы в пучок, под глазом размазанная тушь — всю ночь перед этим она сдавала проект по истории архитектуры.

В гостиной она застала мать в платье от Cavalli, отца в костюме и двух незнакомцев.

— Вера, это Андрей, — сказала мать голосом, которым представляют принцев крови.

Андрей посмотрел на нее. Вера посмотрела на Андрея.

И мир не взорвался.

За ужином она узнала, что семьи давно знакомы, что их родители «случайно» встретились в ресторане и решили, что детям пора познакомиться.

И тут ее накрыло. Не любовь. Страх.

Потому что она вдруг поняла: эту партию уже сыграли. И ее мнение — последнее, что будет учитываться.

Но потом Андрей подошел к ней.

— Твой отец говорил, ты на архитектора учишься. Покажешь свои работы?

Она достала эскизы. Он смотрел внимательно.

— А ты можешь спроектировать дом? Настоящий?

— Могу, — сказала она, сама не зная, правда ли это.

— Тогда построишь нам дом. Когда выйдешь за меня.

Она рассмеялась. Это не было шуткой.

7.

Через неделю он позвонил. Пригласил на выставку.

Вера надела платье, которое считала самым красивым — синее, в цветочек, с открытыми плечами. Купила сама. В переходе. На стипендию.

Мать зашла за час до выхода.

— Волосы распусти.

— Мам, я уже большая.

— Большие девочки знают, что первое впечатление — единственное. Андрей из хорошей семьи. Ты что, хочешь все испортить?

Вера промолчала. Волосы распустила.

— И больше улыбайся, — бросила мать на выходе.

В машине Андрея она сидела молча.

— О чем ты думаешь? — спросил он.

— О том, зачем я тебе.

Он посмотрел на нее. В свете уличного фонаря его глаза казались черными.

— Ты серьезно?

— Да.

Он протянул руку, убрал прядь волос с ее лица. Пальцы скользнули по щеке, по шее, остановились на затылке.

Он поцеловал ее. Медленно. Нежно. С легким нажимом, от которого у нее перехватило дыхание.

Когда он отстранился, она не могла открыть глаза.

— Потому что ты другая, — сказал он. — Ты не смотришь на мои часы. Ты смотришь на меня.

Она открыла глаза, посмотрела на него и поцеловала сама.

Впервые в жизни не потому, что так надо. А потому, что ей этого хотелось.

Она думала, что это и есть любовь. И ошиблась. Но поняла это только через много лет.

8.

Первая ночь случилась через месяц.

— Вера, я хочу, чтобы мы провели ночь вместе, — сказал он в ресторане. — Ты же архитектор. Прежде чем строить дом, нужно проверить фундамент.

Она отдернула руку.

— Ты предлагаешь мне... до свадьбы?

— Я предлагаю нам узнать, подходим ли мы друг другу. Ты хочешь оказаться в браке с человеком, с которым у тебя ничего не сложится?

Она смотрела на него.

— Это просто проверка, — сказал он. — Технический момент.

Через три дня она согласилась.

Он снял номер в отеле с видом на Москву-реку. Вера приехала первой. Стояла у окна, сжимая в кармане старый ластик для черчения.

Он был нежным. Но в этой нежности чувствовалась сноровка. Отточенность движений.

Потом они лежали в темноте. Она ждала, что он скажет что-то важное. Но он уже спал.

— Андрей?

— Мм?

— Ты меня любишь?

Он помолчал. Потом повернулся, поцеловал ее в лоб.

— Спи.

Она не спала. Смотрела на огни Москвы и думала. Он не ответил. Но потом вздохнул во сне, придвинулся ближе, обнял ее, и она решила: он ответил. Просто не словами.

Она не знала тогда, что человек может хотеть тебя, не любя. Что желание, любовь, привычка, уважение — это разные вещи. Она не знала, что будет ждать ответа на этот вопрос семнадцать лет.

9.

Это было за месяц до свадьбы.

Вера уже почти переехала к нему — вещи стояли в прихожей в трех больших коробках, на кухне появились ее чашки с треснувшими ручками.

Она шла с примерки платья под ливнем без зонта. Туфли промокли. Волосы превратились в сосульки.

«Забегу к Андрею. Обсохну. Он же на работе».

Она открыла дверь своим ключом.

В квартире пахло духами. Не ее. Дорогими. Сладкими.

Она прошла в спальню. Дверь была приоткрыта.

Андрей стоял у кровати, застегивая рубашку. На кровати сидела девушка. Молодая. Красивая. С длинными волосами. Девушка натягивала джинсы и смотрела на Веру с таким выражением, будто ее застали за списыванием.

— Вера, — сказал Андрей. — Это не то, что ты подумала.

Она медленно подошла к нему. Посмотрела на его лицо. На рубашку, которую он застегивал второпях и перепутал пуговицы.

— Вера, послушай...

Она ударила его. Не сильно. Не со всей дури. Просто подняла руку и шлепнула по щеке. Получился легкий щелчок.

— Это было слабо, — сказал он.

— А я и не хотела сильно, — ответила она. — Я хотела, чтобы ты знал: я видела.

Она развернулась и вышла.

10.

Галина Павловна приехала через час. С отцом. С Андреем. С его матерью. Вся делегация в сборе.

— Вера, ты себя ведешь как ребенок, — сказала мать, входя без стука. — Андрей все объяснил. Эта девушка — дочь его партнера. Она зашла за книгой. Он пытался от нее отделаться.

— Он застегивал рубашку, — сказала Вера.

— У него было совещание через час. Он переодевался.

— Она была голая.

— Вера, ты что, хочешь разрушить все из-за какой-то глупой случайности?

Мать села на край кровати.

— Послушай меня. Такими мужьями не разбрасываются. Андрей из хорошей семьи. Он тебя любит. Он пришел к нам на колени. Ты думаешь, тебе кто-то еще предложит? С твоим характером? Ты уже пожила с ним. Ты уже была с ним близка. Кто тебя теперь замуж возьмет?

Вера смотрела на мать.

— То есть, если бы я была девственницей, я могла бы отказаться. А так — я бракованный товар?

— Я этого не говорила.

— Ты это сказала.

11.

Андрей пришел вечером. Стоял на коленях в гостиной. Принес огромный букет белых роз.

— Вера, прости меня. Это была ошибка. Глупая, дурацкая ошибка. Я люблю только тебя. Я больше никогда... Ты для меня все.

Вера смотрела на него. На его напряженную челюсть. На его глаза, которые старались быть честными.

«А ты умеешь просить прощения. Вопрос в том, умеешь ли ты не делать то, за что нужно просить?»

— Вера, — сказал он. — Я клянусь. Этого больше не повторится.

Она посмотрела на мать. Мать сидела с каменным лицом, но ее глаза говорили: «Ну что ты тянешь? Прости уже».

Она посмотрела на отца. Отец смотрел в пол.

— Хорошо, — сказала Вера. — Я прощаю.

Андрей встал, обнял ее, поцеловал в щеку. Пахло от него тем же парфюмом, что и всегда. И чем-то еще. Слабым, едва уловимым — тем самым, сладким.

Но она простила. Не потому, что была слабой. А потому, что любила. По-настоящему, по-глупому, по-девчоночьи — всей собой. Она смотрела на него, на его виноватые глаза, на его дорогой костюм, и думала: «Он ошибается. Он человек. Он может ошибаться. Но он меня любит. Иначе зачем бы он просил прощение и стоял на коленях? Иначе зачем бы принёс эти розы?»

Она верила. Она так хотела верить, что заставила себя забыть тот сладкий запах чужих духов. Заставила себя не думать о том, как быстро он застегивал рубашку. Она решила: это было единственный раз. И больше никогда.

«Мы справимся, — шептала она себе в ту ночь, лёжа рядом с ним. — Мы построим дом. Настоящий. И любовь у нас будет настоящая. Я сделаю всё, чтобы он меня не разлюбил».

Она не знала тогда, что разлюбить — это не громкий хлопок двери. Это тысячи маленьких трещин, которые появляются каждый день. И ты их не замечаешь, пока стена не рухнет.

Она так и не узнала, как звали ту девушку.

12.

Вечером, когда гости разошлись, Вера мыла посуду.

— Хороший вечер, — сказал Андрей, входя на кухню с бокалом вина.

— Ирине понравилась рыба.

— Ирине понравилась ты. Она сказала, что ты выглядишь отлично для женщины с тремя детьми.

Вера замерла на секунду. Потом продолжила тереть тарелку. Слишком сильно.

— Для женщины с тремя детьми. Это комплимент?

— Ты придираешься.

— Нет. Просто уточняю.

Андрей подошел сзади, обнял за талию.

— Ты сегодня напряженная. ПМС?

Вера закрыла глаза.

«ПМС, Андрей. Потому что у женщины не может быть причин для напряжения, кроме гормонов. Не может быть семнадцати лет ожидания, что муж заметит, что ты тоже человек».

— Видимо, — ответила она.

Он помолчал. Потом сказал тихо:

— Ты какая-то... не такая в последнее время.
Сердце пропустило удар.
— Какая?
— Не знаю. Отстраненная.
Она ждала. Сейчас. Сейчас он спросит. Сейчас увидит.
Но он вздохнул, поцеловал ее в плечо — дежурно, как ставят галочку — и сказал:
— Отдохни завтра. У тебя просто усталость.
И ушел в спальню.

13.

Вера стояла, сжимая губку для посуды. Посмотрела на свое отражение в черном окне. Там стояла женщина в черном платье. Уставшая. С идеальной укладкой, которая уже начала распадаться.

— Генеральный директор по быту, — сказала она вслух. — С правом подписи на чеках и без права голоса.

Из гостиной донесся звук — Полина сползла с дивана, уронив пульт.

— Мам, я пить хочу.

Вера налила воды, отнесла дочь в кровать.

— Мам, а почему ты не ложишься?

— Потому что нужно убрать на кухне. И проверить уроки Коли.

— А почему Папа не помогает?

Вера замерла.

— Папа работает, — сказала она. — Он устает.

— А ты?

— А я... — Вера улыбнулась. Улыбка вышла резиновой. — Я — мама. Мамы не устают. По крайней мере, так принято считать.

Полина прищурилась.

— Это глупость какая-то.

— Возможно.

— Тогда зачем ты так говоришь?

Вера посмотрела на дочь.

«Зачем, Вера? Зачем ты транслируешь ей то, во что сама не веришь? Зачем учишь ее быть удобной?»

— Ты права, — сказала Вера. — Это глупость. И я больше не буду так говорить.

Она поцеловала дочь в лоб, выключила свет.

14.

Вера легла уже в два часа ночи.

Андрей спал. Телевизор выключился автоматически. В тишине было слышно, как работает холодильник — ровно, монотонно, как будто он единственный в этом доме имел право на усталость.

Она лежала на спине и смотрела в потолок.

Белый. Ровный. Молчаливый.

Ей было тридцать восемь. Семнадцать лет брака. Трое детей. Дом. Машина. Дача. Счет в банке, который она могла тратить только на семью, потому что «твои художественные штучки, дорогая, это не бизнес».

Она не помнила, когда в последний раз брала в руки карандаш. Не для раскрасок, не для открыток в школу. А для себя.

Она повернула голову к зеркалу. В лунном свете ее отражение было бледным, уставшим, но живым.

— Я еще здесь, — прошептала она. — Я еще не умерла. Я просто стала несущей стеной. А несущие стены, знаешь, имеют свойство однажды рушиться. И тогда весь дом летит к чертям.

Андрей заворочался во сне. Пробормотал что-то невнятное.

Вера закрыла глаза.

Но сон не пришел.

Вместо него пришла память.

15.

Она вспомнила себя двенадцать лет назад.

Двадцать шесть лет. Соня — трехлетний карапуз с бантами, который только начала говорить. Вера работала в небольшом архитектурном бюро. Не звезда, не главный архитектор — просто проектировщица, которая приходила в офис к девяти, забирала Соню из сада в пять, а ночью доделывала чертежи.

Она была счастлива.

Не той глупой счастьем первой любви. А другим — глубоким, усталым, настоящим. Счастьем человека, который делает то, для чего рожден.

Андрей тогда был другим.

Он еще не стал партнером в инвестиционной компании. Он был просто Андреем — амбициозным, но не жестоким. Он приходил с работы, забирал у нее Соню, говорил: «Иди рисуй, я сам».

Он приносил ей кофе в кабинет. Он смотрел на ее чертежи и хотя бы делал вид, что понимает. Он говорил: «У тебя талант. Ты построишь когда-нибудь дом. Настоящий. Наш».

Они гуляли по воскресеньям. Втроем. Он держал ее за руку. Он целовал ее при людях. Не стеснялся.

Она думала: «Я все сделала правильно. Я выбрала не просто мужа. Я выбрала друга».

16.

Потом родился Коля.

Андрей хотел наследника. Он не говорил этого вслух — он просто стал холоднее, когда узнал, что второй ребенок — снова девочка. Вера видела тень разочарования на его лице. Он быстро спрятал ее за улыбкой, но Вера запомнила.

Коля родился мальчиком. Андрей ликовал.

Когда Коле исполнилось полгода, Вера сказала:

— Я хочу выйти на работу.

Андрей сидел за ужином. Не поднял головы.

— Зачем?

— Затем, что я архитектор. Я не хочу потерять квалификацию.
— Ты мать двоих детей. Твоя квалификация — это они.
Она хотела спорить. Но он сказал: «Ты нужна детям. Ты нужна мне. Я приношу деньги. Твое дело — дом».
Она не пошла на работу.
Это была первая трещина, которую она заметила. Но не придала значения.
Потом были другие. Мелочи. Он перестал спрашивать ее мнение. Потом — задержки. Потом — обесценивание. Потом — газлайтинг. Потом — изоляция.
Она не понимала тогда, что это называется абюзом. Не кулачным. Тихим. Разрешенным обществом. Законным.

17.

Сейчас она лежала в темноте и смотрела на спящего мужа.
Того самого, который когда-то целовал ее в машине и говорил: «Ты другая».
Куда делся тот Андрей?
Он не делся. Он трансформировался. Как вирус. Как раковая клетка. Он вырос из маленького, почти невинного эгоизма в огромную, всепоглощающую уверенность в своем праве владеть ею.
«Я — его собственность, — подумала Вера. — Не жена. Не партнер. Собственность. Актив. Статья баланса».
Она села на кровати.
В кармане халата — старый ластик для черчения. Мягкий. Серый. Почти стертый.
«Сколько еще я буду стирать свою жизнь, чтобы рисовать чужую?»
И вдруг ее накрыло.
Не усталость. Не грусть.
Злость. Настоящая. Горячая. Строительная.
Она представила свою жизнь как проект. Как чертеж, который она выверяла семнадцать лет.
И вдруг увидела.
Это не ее чертеж. Это его.
Она просто обводила чужие линии, стараясь не выходить за контуры. Она подчищала его ошибки. Она делала вид, что проект гениален, хотя фундамент давно дал усадку.
«Я — автор, который отказался от авторства. Я — архитектор, который согласился быть декором».
Она сжала ластик в кулаке.
— Ну уж нет, — сказала она вслух. — Ну уж нет, Андрей.
Он заворочался во сне. Не проснулся.
— Ты построил дом. Но несущие стены — мои. И если я рухну...
Она не договорила.
Потому что впервые за много лет она не знала, что будет, если она перестанет быть удобной.
Но злость осталась. Горячая. Живая.
— Хорошо, — прошептала она. — Значит, я еще не умерла. Мертвые не злятся.

18.

Она встала. Подошла к окну. Посмотрела на ночную Москву.

Чужие проекты. Чужие жизни.

Она посмотрела на свое отражение в стекле. Женщина в халате. Уставшая. С растрепанной укладкой. С глазами, которые видели слишком много.

Но живые.

— Я не рухну, — сказала она своему отражению. — Я перестроюсь.

Она вернулась в кровать.

Смотрела в потолок и думала о чертежах. Тех самых, в дальнем ящике. Старых. Пыльных. Наверное, уже не актуальных.

Но они были ее.

«Завтра, — подумала Вера. — Завтра я их достану. Не для того, чтобы показать Андрею. Для себя. Чтобы вспомнить, кто я такая».

Она не знала, что будет дальше. Не знала, сможет ли вернуться в профессию. Не знала, сможет ли стоять за чертежной доской, когда семнадцать лет ее главным инструментом была кастрюля.

Но она знала одно.

Она больше не будет несущей стеной в чужом проекте.

Если уж строить — то свой дом.

Свой чертеж.

Свою жизнь.

ГЛАВА 2. ПРОЕКТ СЧАСТЬЯ

1.

Свадьба была красивой. Вера помнила ее как проект, который она сдала на отлично, но который никогда не включит в свое портфолио.

Двести гостей. Ресторан на Рублевке. Платье, которое выбирали вдвоем — мать, свекровь и Вера, чье мнение учитывалось последним. Она шла к алтарю в белом, с фатой, которую мать одолжила у подруги («такая дорогая, зачем тебе такая, ты же один раз наденешь»), и чувствовала себя макетом. Красивым. Аккуратным. Чужим.

Андрей ждал ее у алтаря. В идеальном костюме. С идеальной улыбкой. Он смотрел на нее так, будто она была его самым удачным приобретением.

«Интересно, — подумала Вера, делая шаг к нему, — я для него невеста или квадратный метр в элитном жилом комплексе? Тоже дорого, тоже статусно, тоже на показ».

Она отогнала эту мысль. Назвала ее неблагодарностью.

Потом был первый танец. Он держал ее за талию, вел уверенно, как человек, который привык быть главным на паркете и в жизни. Она смотрела на его скулы, на его глаза и думала: «Я спроектирую нам дом. Настоящий. С большими окнами. С террасой. С комнатой для черчения, где я буду работать. Он будет гордиться мной».

Он не спросил про дом. Ни в ту ночь, ни после.

2.

Первая брачная ночь случилась не сразу.

Та, что была в отеле с видом на Москву-реку, осталась в прошлом — техническая проверка, холодный расчет под видом нежности. А теперь, после свадьбы, после цветов, после гостей и шампанского, Вера ждала другого.

Она ждала, что теперь все будет по-настоящему.

Андрей вошел в спальню, когда она сидела на кровати в кружевной сорочке — подарок матери, которая сказала: «Муж должен хотеть тебя всегда, иначе найдет на стороне».

— Ты красивая, — сказал он.

Просто. Без того огня, который был в машине, когда они целовались впервые.

Он подошел, поцеловал ее в плечо, потом в шею. Его руки скользнули под кружево. Вера закрыла глаза и попыталась вспомнить то чувство — когда внутри нее что-то сломалось и построилось заново.

Не получалось.

Она чувствовала его руки. Они были умелыми. Но не своими. Слишком правильными. Слишком отработанными.

— Что-то не так? — спросил он.

— Нет. Все так.

Она соврала. И он это знал. Но больше не стал спрашивать.

Потом они лежали в темноте. Андрей сразу заснул — как человек, который получил свое и больше не должен ничего. Вера смотрела в потолок и думала о девушке из квартиры. О той, которую застала за месяц до свадьбы.

Она не вспоминала эту историю. Никогда. Она похоронила ее глубоко, в самом дальнем углу памяти, завалила эскизами, чтобы не вылезла.

Но сегодня она вылезла.

«Я простила его, — подумала Вера. — Но не забыла. И, кажется, не простила по-настоящему. Я просто спрятала обиду за фасадом идеальной жены. А фасады, знаешь, трескаются».

Она повернулась к нему спиной. Он что-то пробормотал во сне, придвинулся ближе, обнял. Дежурно. Привычно. Без любви.

Вера закрыла глаза и заставила себя не думать.

3.

Первая беременность случилась через полгода.

Вера не планировала так рано. Она хотела доучиться, защитить диплом, начать работать по специальности. Но тест показал две полоски, и она, стоя в ванной с этим маленьким пластиковым предметом, чувствовала, как внутри нее что-то меняется.

Страх. И радость. И странное чувство: теперь она точно никуда не денется.

Она вышла из ванной. Андрей сидел на кровати, листал телефон.

— Андрей, я беременна.

Он поднял глаза. Посмотрел на нее. Улыбнулся.

— Хорошая новость.

— Ты рад?

— Конечно. — Он отложил телефон, потянул ее к себе, поцеловал в живот. — Нам нужен наследник.

Вера замерла.

«Нам нужен наследник» — это не «я рад, что у нас будет ребенок». Это «задача выполнена, следующий пункт плана».

Она хотела спросить: а ты рад, что это мой ребенок? Что это наш ребенок? Что мы теперь — семья, а не просто проект?

Она не спросила.

Новость разлетелась быстро. Андрей позвонил родителям в тот же вечер.

Свекор — отец Андрея, Владимир Сергеевич — приехал через два дня. Солидный, седой, с лицом, которое привыкло отдавать распоряжения. Он вручил Вере ключи и документы с таким видом, будто подписывал контракт.

— Трехкомнатная, — сказал он. — В новостройке. Ремонт сделаете сами. Это вам не ипотека на тридцать лет.

Вера смотрела на ключи. Металл был холодным. Тяжелым. Чужим.

— Спасибо, — сказала она. — Огромное спасибо.

— Не благодарите. Это не подарок. Это инвестиция. Мой внук должен жить в хороших условиях.

Инвестиция.

Вера сжала ключи в кулаке.

«Не подарок. Инвестиция. Я родила — получила квартиру. Как по контракту. Как будто я не женщина, а бизнес-проект. Актив, который принес дивиденды».

Она улыбнулась. Поблагодарила еще раз. Убрала ключи в карман.

4.

Мать приехала на следующий день. С шампанским, которое Вере нельзя было пить. С лицом, которое выражало облегчение.

— Ну слава богу, — сказала Галина Павловна, садясь на диван. — А я уже переживала.

— О чем, мам?

— О том, что ты бесплодная. Полгода уже замужем, а ничего нет. Я думала, Андрей тебя бросит.

Вера замерла.

— Бросит?

— А ты думала, мужики за красивые глаза женятся? Им нужны дети. Наследники. Если баба не рождает — она бракованная.

Вера смотрела на мать. На ее идеальную укладку. На ее ухоженные руки. На ее лицо, которое не выражало ничего, кроме уверенности в своей правоте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.